

Рабство. Происхождение беспокойства

Аронсон Даниил Олегович – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: aronson.d.o@gmail.com

Аннотация. Аристотель считал, что некоторые люди по природе рабы и что рабское положение для них справедливо и полезно. Эта точка зрения вытекает из ключевых принципов его философии. Во-первых, поскольку понятия действия и претерпевания используются как базовые категории мышления, всякое изменение и движение мыслится как асимметричное отношение между вещами, где что-то действует, а что-то подвергается воздействию, причем чем более вещь способна действовать, тем она совершеннее. Во-вторых, поскольку природа не делает скачков, между человеком и животным имеются промежуточные звенья. Люди, наиболее близкие к животным, менее прочих способны действовать и предназначены выполнять приказы тех, кто их превосходит.

Самую влиятельную реформу аристотелизма в Новое время осуществил Иммануил Кант. Он убрал действие и претерпевание из числа категорий, а человека поставил вне физической природы, приписав ему качество моральной личности, не имеющее предпосылок у животных. В моральном отношении человек, единственный во всей природе, сохранил способность действовать и претерпевать. Рабство стало считаться почти или совсем неприемлемым, так как все люди свободны в своей способности действовать и равны в этой абсолютной привилегии перед остальной природой. Одновременно, сами понятия о рабстве и о человеке стали не столько означать какие-то определенные явления, сколько выражать моральную и юридическую оценку. Эта неопределенность значения способствует тому, что тема рабства продолжает вызывать беспокойство.

Ключевые слова: рабство, природа, действие и претерпевание, общение, государство, счастье, Аристотель, Кант, категории, непрерывность

Для цитирования: Аронсон Д.О. Рабство. Происхождение беспокойства // Историко-философский ежегодник. 2021. № 36. С. 365–383.

По мнению одних, власть господина над рабом есть своего рода наука... Наоборот, по мнению других, самая власть господина над рабом противоестественна; лишь по закону один – раб, другой – свободный, по природе же никакого различия нет.

Аристотель

Никому не может прийти в голову, что природа кого-нибудь из нас обрекла на рабство.

Этьен Ла Бозси

Рабство составляет сегодня принципиальную проблему морали. Недостаточно понятия о рабстве, которое было бы всего лишь ясным и отчетливым, т.е. ограничивалось тем, что указывало отличительные признаки рабовладения и его причины. От того, кто берется рассуждать о рабстве, ожидают моральной позиции.

Ни для Аристотеля, защищавшего рабовладение, ни для тех его современников, кто выступал против, рабство не было проблемой в этом смысле. «С ним считались как с вполне естественным, привычным явлением»¹. Иногда говорят, что это *оправдывает* Аристотеля, что его извиняет историческая специфика его перспективы². Другие возражают, что греческому философу *нет оправдания*, поскольку уже среди его сограждан были прогрессивные умы, отвергавшие рабовладение. Оба

¹ Доватур А.И. Рабство в Аттике в VI–V вв. до н.э. Л.: Наука, 1980. С. 122.

² См., например: Callard A. Should We Cancel Aristotle? // New York Times, 21.07.2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/07/21/opinion/should-we-cancel-aristotle.html> (дата обращения: 11.08.2021).

рассуждения покоятся на анахронизме. Конкуренция разнообразных позиций по вопросам о рабстве – это именно то, что отличает ситуацию классических Афин от нынешней. Для греков защита рабовладения, как и его критика, не была неприемлемой, она могла требовать научного обоснования (которое Аристотель дает), но не была тем, за что нужно оправдываться.

Это не значит, что для философов классической Греции рабство было сугубо теоретическим вопросом, «нейтральной темой», которую они исследовали «объективно», отвлекшись от собственных «ценностных установок». Такой вывод сам был бы анахронизмом, поскольку приписывал грекам разделение теоретического и практического разума в том виде, в каком оно сформировалось в Европе XVIII–XIX вв. Аристотелевская этика включает в себя учение как о нравственных, так и о мыслительных (этических и дианоэтических) добродетелях. Последние «преодолевают границы морали и превращают этику в теоретическую дисциплину. Дианоэтические добродетели направлены на постижение и усвоение тех неизменных и неподвижных начал бытия, которые составляют предмет созерцания (постижения) “первой философии”»³. Для всего, что человек может сделать – в политике ли, познании или заботе о теле и чувственном удовольствии, – есть соответствующие добродетели. А мерило добродетели человека – счастье, его собственное и тех, с кем у него общение (*koïnonia*). Поэтому в «Никомаховой этике» и говорится, что «[н]астоящее учение... имеет своей целью... достижение и сохранение блага государства»⁴. Ведь «государство представляет собой общение родов и селений ради достижения совершенного самодовлеющего существования, которое... состоит в счастливой и прекрасной жизни»⁵. Так и теория

³ Гаджигурбанов А.Г. Различение этических и интеллектуальных добродетелей в моральных доктринах Аристотеля и Спинозы (сравнительный анализ) // *Философская мысль*. 2016. № 3. С. 1–22. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18086 (дата обращения: 11.08.2021).

⁴ *Аристотель*. Никомахова этика // *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 55. 1094b12–14.

⁵ *Аристотель*. Политика // *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 462. 1281a1–3.

рабства этически предназначена содействовать счастью – не только свободных греков, но и их рабов, поскольку «раб... живет в постоянном общении со своим господином»⁶. «[Б]олее того – именно межличностное общение, а не закон или принуждение, формируют и поддерживают сам институт рабства»⁷. Вопрос о том, справедливо рабство или нет, ставится здесь вполне серьезно, но он не вызывает какого-то исключительного беспокойства; наряду с другими вопросами он подчинен проблеме счастливой жизни, которая одна имеет решающее значение.

«Одни люди по натуре свободны, другие – рабы», – говорит Аристотель⁸. «Раб по природе – тот, кто может принадлежать другому (потому он и принадлежит другому) и кто причастен к рассудку в такой мере, что способен понимать его приказания, но сам рассудком не обладает»⁹. Это определение строится на понятиях, крайне важных для всей аристотелевской философии: во-первых, на понятии природы, во-вторых, на противопоставлении действия и претерпевания. Предмету первого посвящена «Физика», второе входит в список категорий¹⁰.

Что значит «по природе»? Аристотель различает рабство по природе и по закону. Свободный по природе человек может

⁶ Аристотель. Политика. С. 401. 1260a40.

⁷ Платонов Р.С. Социально-политическая трактовка концепции рабства по природе в философии Аристотеля // Полилог / Polylogos. 2019. Т. 3. № 4. С. 27. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110007796-7-1/> (дата обращения: 18.03.2020). Хотя Аристотель и утверждает, что не все люди способны к счастью, похоже, что раб по природе может в ограниченной степени быть счастливым. «[К]ак с рабом дружба с ним невозможна, но как с человеком возможна. Кажется ведь, что существует некое право у всякого человека в отношении ко всякому человеку, способному вступать во взаимоотношения на основе закона и договора (koinonesai nomou kai synthekes), а значит, и дружба возможна в той мере, в какой раб – человек». (Аристотель. Никомахова этика. С. 236–237. 1161b6–8). Дружба (philia) – ключевая составляющая того счастья, к которому стремится политик.

⁸ Аристотель. Политика. С. 384. 1255a. Перевод изменен. – Д.А.

⁹ Там же. С. 383. 1254b23.

¹⁰ Аристотель. Категории // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 79. 11b.

оказаться в рабстве по закону, и тогда порабощение несправедливо¹¹. Различие между тем, что имеет место по природе, и тем, что возникло по установлению, как и другое характерное для Аристотеля различие между природой и искусством, может показаться нам вполне привычным. Однако не следует спешить приписывать Аристотелю то понимание природы, к которому приучило нас наше время. Природа, пишет он, «есть сущность того, что имеет начало движения в самом себе как таковом»¹². Таким образом, понятие природы, во-первых, касается вещей лишь постольку, поскольку они подвержены движению и изменению. Во-вторых, природа составляет сущность не всякой способной к движению вещи, но лишь такой, начало движения которой заключается в ней самой. Именно с последним соображением связано аристотелевское различие между природой и искусством. Природа есть форма, неотделимая от собственной материи, тогда как искусство придает вещам форму, чуждую их природе. По этой причине природа воссоздает себя сама, тогда как искусство создает вещи, которые не имеют в себе начала собственного движения и приходят в негодность, если за ними не ухаживать.

Хотя искусство – не то же самое, что природа, оно не существует помимо природы. Во-первых, артефакты уже потому принадлежат природе, что сделаны из некоторого материала, имеющего собственную естественную форму. Скажем, кровать может пустить побеги потому, что она по природе дерево и лишь «по совпадению» кровать¹³. Во-вторых, форма, которую придает

¹¹ Это соображение отнюдь не тривиально. Вспомним фрагмент Гераклита: «Полюмос (Война) – отец всех существ и царь всех существ, одних он обращает в богов, других в людей, одних делает рабами, других – свободными». (*Лебедев А.В.* Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). СПб.: Наука, 2014. С. 155.) Рабство существует потому, что существует война, кто попал в плен, тот и раб. Для Гераклита, в отличие от Аристотеля, нет разницы между рабством по природе и фактическим рабством, как нет для него и разницы между сущностью вещи и ее существованием.

¹² *Аристотель.* Метафизика // *Аристотель.* Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 150. 1015a15.

¹³ *Аристотель.* Физика // *Аристотель.* Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 84. 193b9–11.

вещам искусство, противна не природе как таковой, но природе той материи, которую она оформляет. Всякое движение и изменение, включая приемы наук и ремесел, вытекает из природы той или иной вещи¹⁴. Изменение вообще предполагает встречу противоположностей: когда имеется вещь, из природы которой вытекает некоторое действие, и другая, способная от этого действия претерпеть (быть для него материей), то говорится, что первая обеспечивает активную, вторая – пассивную возможность (*dunamis*) изменения. «Однако эта [пассивная] возможность может наличествовать согласно природе [претерпевающего] объекта – в случае чего изменение *естественно* (*phusei*), или *по природе* (*kata phusin*), – либо случиться в силу предрасположенности природы [действующей] вещи к противоположному – в случае чего изменение *вынуждено* (*biâi*), или *противно природе* (*para phusin*)»¹⁵.

Всякое действие, стало быть, подразумевает претерпевание, которое может быть по природе или не природе вещи претерпевающей. (Действовать не по природе нельзя: если действие существа не вытекает из его природы, то оно вытекает из природы какой-то другой вещи, и именно она-то тогда и действует.) Критерий того, что изменение, происходящее с вещью, соответствует ее природе, заключается в том, что это изменение влечет вещь к тому, чтобы воссоздать ее собственную форму. Скажем, человеческому семени, чтобы создать человека, нужна утроба¹⁶. Именно это соображение можно считать доказательством того, что союз мужчины и женщины соответствует природе, – утверждения, которое в первой книге «Политики» Аристотель оставляет без доказательства, уделяя

¹⁴ «[В]се искусства... суть способности (*dunameis*), а именно: они начала изменения, вызываемого в другом». (*Аристотель*. *Метафизика*. С. 236. 1046b3) «[П]рирода принадлежит к тому же роду, что и способность; она начало движения, но не в другом, а в самой вещи». (Там же. С. 244. 1049b10.)

¹⁵ *Bodnar I.* Aristotle's Natural Philosophy. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/aristotle-natphil/> (дата обращения: 13.08.2021).

¹⁶ См.: *Аристотель*. *Метафизика*. С. 243. 1049a14–15.

гораздо большее внимание вопросу о том, естественно ли рабовладение.

Однако кажется, что естественность отношений господина и раба нельзя доказать таким же способом. Чтобы оставить потомство, нужны мужчина и женщина, а не раб и господин. Более того, сам Аристотель упоминает о том, что у варварских народов нет тех, кто по природе был бы предназначен к управлению, что, очевидно, не мешает им продолжать род, создавая семьи и племена. Чтобы разрешить эту проблему, нужно понять, что именно составляет ту форму, которую природа вещей стремится воссоздать.

Естественная форма вещи – не всякое ее состояние, но такое, в котором она вполне готова к тому, чтобы себя воссоздать. Это требует полного развития природных задатков: скажем, человек, лишенный рассудительности, едва ли сможет вырастить детей, которые будут ей обладать. Поэтому если человек есть существо, отличающееся разумностью и способностью к речи, то естественным для него будет не любой образ жизни, позволяющий продолжить род, но, прежде всего, такой, который позволит развивать и практиковать способность к разумному суждению. Это требует досуга, а для досуга нужны рабы, которые возьмут на себя заботу о жизненно необходимом. В человеческой душе «одно начало является по природе властвующим, другое – подчиненным; им, как мы утверждаем, соответствуют свои добродетели, как бы добродетели разумного начала и неразумного»¹⁷. Также и полис есть такая форма, в которой рабы и господа находятся в естественном союзе, причем одни по природе действуют, а другие претерпевают. «Душа властвует над телом, как господин (*despotikon archon*), а разум над вашими стремлениями – как государственный муж (*politikon e basilikon*)»¹⁸.

В таком виде рассуждения Аристотеля могут показаться исторически ограниченными. Разве не позволяют автоматизация производства и эксплуатация ископаемых источников энергии иметь досуг, не прибегая к усилиям рабов? И разве не наносят

¹⁷ Аристотель. Политика. С. 400. 1260a7.

¹⁸ Там же. С. 383. 1254b.

техники искусственного оплодотворения такой же удар по мнимой «естественности» семьи, состоящей из мужчины и женщины?

Пожалуй, аристотелианский ответ на подобные возражения состоял бы в том, что подобные инструменты не могут воспроизвести форму человеческой души в ее наиболее завершенном виде. Основания же для суждения о том, какая именно форма человеческой души и природы в целом наиболее совершенная, можно попытаться найти в аристотелевской идее естественной непрерывности. «Природа переходит так постепенно от предметов бездушных к животным, что в этой непрерывности остаются незаметными и границы, и чему принадлежит промежуточное»¹⁹. Все естественные способности развиваются у животных поступательно, причем, поскольку «природа... ничего не делает напрасно»²⁰, развиваются они не сами по себе, но в ответ на некоторое воздействие. Чтобы стать деятельным в отношении той или иной вещи, нужно сначала от нее некоторым образом претерпеть. Чтобы животное научилось искать пищу, оно должно обладать ощущением, а «все, что испытывает что-то, испытывает это от чего-то деятельного и действующего и им приводится в движение»²¹. Чтобы научиться общаться с помощью звуков, нужно иметь слух. «И совершенно правильно утверждение, что нельзя хорошо начальствовать, не научившись повиноваться»²².

Также поступательно формируется и природа человека, который в этом отношении не отличается от прочих существ. Поэтому если есть люди, способные и рассуждать, и следовать суждению, то есть и такие, «кто причастен к рассудку в такой мере, что способен понимать его приказания, но сам рассудком не обладает»²³. Таковы обычно те, кто родился и вырос при порядках, не оставляющих места для политической жизни. «У варваров... отсутствует элемент, предназначенный по природе своей к властвованию. У них бывает

¹⁹ Аристотель. История животных. М.: РГГУ, 1996. С. 301.

²⁰ Аристотель. Политика. С. 380. 1253a8.

²¹ Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 405. 417a16–18.

²² Аристотель. Политика. С. 452. 1277b13.

²³ Там же. С. 383. 1254b23.

только одна форма общения – общение раба и рабыни. Поэтому и говорит поэт: “Прилично властвовать над варварами грекам”²⁴.

Разумное движение есть движение к наилучшему и к счастью. Способность понимать приказания рассудка обеспечивает пассивную возможность такого движения, способность судить – его активную возможность. Тот, кто способен лишь понимать приказы, предназначен к разумному движению не в меньшей степени, чем тот, кто рассуждает сам. Если его собственное суждение испорчено пороком, как это случается у тех, кто привычен к низким ремеслам и чувственным удовольствиям, то благая жизнь его в том, чтобы следовать увещаниям того, кто его превосходит. Если же никакого своего суждения о счастье и благой жизни он не имеет (а именно таких людей Аристотель называет рабами по природе), то всякий досуг и политические права только сделают его несчастным. Лучшее для такого человека – во всех делах исполнять приказы того, кто способен их отдавать, и замыслы того, кто способен их иметь. Отсюда утверждение, что «человек по природе своей есть существо политическое»²⁵: пусть сами рабы политикой и не занимаются, лучшее для них – служить свободным людям. Только в свободном рабовладельческом полисе каждый может быть счастлив независимо от своей природы.

Несправедливо, поэтому, говорить, что своим учением о рабстве Аристотель «рассек человеческий род надвое»²⁶. Напротив, аристотелевская апологетика рабовладения вытекает из представления, что природные формы континуально развиваются друг из друга, так, что всегда найдутся промежуточные звенья не только между человеком и животным, но и между рабами по природе и свободными людьми.

И наоборот, современное беспокойство по поводу рабовладения связано именно с рассечением, которое произвело Новое время; правда, отделило оно необязательно одних людей от других. Часто говорят об отделении Человека от Природы, но настоящая особенность Нового времени не в том, что оно

²⁴ Аристотель. Политика. С. 377. 1252b5–9.

²⁵ Там же. С. 379. 1253a3.

²⁶ Ross D.W. Aristotle. London; New York: Routledge, 1995. P. 253.

выдвинуло именно такую оппозицию, а в том, что специфически человеческим в человеке стало нечто, не имеющее ни малейшего подобия физической природы: декартовская мыслящая вещь, кантовская моральная личность, гегелевская негативность. Традиция, сформированная этими мыслителями, не может представить порядок вещей как совершенно непрерывный, ей обязательно надо сделать скачок в том месте, где «нечеловеческое» переходит в «человеческое». Все люди мыслятся как равные и свободные по природе, и достигается это благодаря их абсолютной привилегии перед остальным сущим. Но и само слово «человек» больше не может означать чего-то определенного, что можно встретить в физической природе. Его значение начинает сильно варьироваться. Например, авторы классических документов XVIII в. о правах человека могли иметь в виду только белых мужчин, обладающих собственностью²⁷. Некоторые современные эко-философы, наоборот, истолковывают понятие о человеке настолько широко, что его значение охватывает значительную часть живой и неживой природы²⁸.

Эта особенность современного мышления о человеке восходит, помимо прочего, к проблеме, поставленной Аристотелем: «[Платоники] пришли к выводу, что существуют идеи всего, что сказывается как общее, и получалось примерно так как если бы кто, желая произвести подсчет, при меньшем количестве вещей полагал, что это будет ему не по силам, а увеличив их количество, уверовал, что сосчитает. В самом деле, эйдосов, можно сказать, больше, чем единичных чувственно воспринимаемых вещей, в поисках причин для которых они от вещей пришли к эйдосам»²⁹.

Аристотель пытается устранить такой избыток способов говорить о вещах и настаивает, что есть эйдосы, способные к самодовлеющему существованию – формы, – и только они и составляют сущности, подлежащие познанию. Однако это решение не привело к полной унификации познания, поскольку

²⁷ См.: *Armitage D.* The Declaration of Independence: A Global History. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007. P. 76–77.

²⁸ Например, *Morton T.* Humankind. Solidarity with Non-human People. London and New York: Verso, 2018. 224 p.

²⁹ *Аристотель.* Метафизика. С. 327. 1078b35–1079a1.

требовало мыслить каждую вещь исходя из того, к чему она предназначена своей собственной формой. Получалось, что не только у раба и господина разные добродетели, но и у подлунного и надлунного мира разные законы.

Новое время радикализовало установку Аристотеля на то, что всякое познание есть познание форм³⁰, и стало мыслить весь мир как единую форму³¹, где ни одна вещь не имеет специфического телоса, но возможность или необходимость каждой определяется требованиями познаваемости и управляемости вообще – не для свободного человека, стремящегося к счастливой жизни, но для любого, кто постигает формальные причины. Целевые же причины были перенесены из физического мира в трансцендентальную плоскость: вещи больше не имеют собственных целей, но возможность или необходимость вещей априори предопределена целями познания.

Кант провел эту реформу аристотелизма на уровне его основополагающих понятий. Он убрал действие и претерпевание из списка категорий³² и применил эту пару уже к самим

³⁰ «Цель или Конечная причина не только бесполезна, но даже извращает науки, если речь идет не о действиях человека. [...] [К]то знает только действующее начало и Материальную причину..., тот может достигнуть новых открытий в отношении материи, до некоторой степени подобной и подготовленной, но не затронет глубже заложенные пределы вещей. Тот же, кто знает формы, – тот охватывает единство природы в несходных материях. И следовательно, он может открыть и произвести то, чего до сих пор не было, чего никогда не привели бы к осуществлению ни ход природных явлений, ни искусственные опыты, ни самый случай и что никогда не представилось бы человеческому мышлению. Поэтому за открытием форм следует истинное созерцание и свободное действие» (Бэкон Ф. Новый органон. Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 198–199).

³¹ «[X]отя в природе не существует ничего действительного, помимо обособленных тел, осуществляющих сообразно с законом отдельные чистые действия, однако в науках этот же самый закон и его разыскание, открытие и объяснение служат основанием как знанию, так и деятельности. И этот же самый закон и его разделы мы разумеем под названием *форм*» (Бэкон Ф. Новый органон. С. 198).

³² Кант И. Критика чистого разума. 2-е издание (В), 1787 / Под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушинга, Т.Б. Длугач, У. Фогеля // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках: в 5 т. Т. 2. Ч. 1 (Kant I. Kritik der reinen Vernunft. 2. Auflage (В), 1787 / Hrsg. von N. Motroschilova, T. Dlugatsch,

категориям, охарактеризовав с помощью нее их отношение к чувственности³³. Предметы опыта, который схватывают категории, не действуют и не претерпевают: поскольку они не составляют разных «природ», то не имеет смысла и вопрос о том, аутентично ли движение, которым движется та или иная вещь. Всякое движение равным образом следует из общих законов единственной Природы.

Однако единство опыта оказывается возможным благодаря тому, что в него включена инстанция, которая никогда не может быть всецело дана в нем как предмет: трансцендентальная апперцепция, которая мыслится как активная в отношении пассивных содержаний пространственного и временного созерцания³⁴. Получается, что отношения действия и претерпевания изгоняются из физического мира двусмысленным образом: все естественные движения и физические объекты перестают быть активными или пассивными в отношении друг друга, поскольку все равным образом претерпевают от трансцендентального сознания, двигаются не своим собственным, но его движением, что и позволяет эмпирическому сознанию естествоиспытателя обнаруживать предметы опыта всегда-уже пригодными для познания. (Это не тождественно отношению конечных вещей к божественному уму в аристотелевской физике. Хотя там вещи тоже движимы одной и той же первопричиной, они имеют разные природы, и движение,

V. Tuschling, U. Vogel // *Kant I. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe: in 5 Bdn. Bd. 2. Tbd. 1*). М.: Наука, 2006. С. 173. В 106.

³³ «*Восприимчивость* нашей души, [т.е. способность ее] получать представления, поскольку она каким-то образом подвергается аффицированию, мы назовем *чувственностью*; *рассудок* же есть способность самостоятельно производить представления, т.е. *спонтанность* познания». (*Кант И.* Критика чистого разума. С. 137–139. В 75; перевод исправлен по оригиналу. – Д.А.)

³⁴ «[Э]то представление есть *акт спонтанности*, т.е. оно не может рассматриваться как принадлежащее чувственности. Я называю его *чистой апперцепцией*, чтобы отличить его от *эмпирической* апперцепции...; ведь оно есть самосознание, которое – порождая представление *я мыслю*, – должно иметь возможность сопровождать все остальные представления и быть одним и тем же во всяком сознании; а само это самосознание никаким иным [представлением] сопровождаться не может» (*Кант И.* Критика чистого разума. С. 203. В 132.)

вытекающее из этих природ, может совпадать или не совпадать с божественным; в первом случае вещь действует или претерпевает по природе, во втором – претерпевает против природы.)

Происходит размежевание наук как бы на аристотелизм левого и правого полушария: на естественные науки, избавленные от целевых причин, и гуманитарные науки, избавленные от необходимости познавать природу, зато обремененные моральной миссией не вполне определенного свойства. Новая метафизика лишила внутренней ценности всю природу, кроме чего-то трудноуловимого в ней, некоего существа, которому доступна трансцендентальная точка зрения. Во всей вселенной только оно может действовать и претерпевать. Оно действует, когда стоит на трансцендентальной точке зрения, и претерпевает, когда отклоняется от нее. Что это за существо? «Человек», – говорил Кант. Но он хорошо понимал всю сложность этого утверждения, поскольку ответ на вопрос о том, что такое человек, не может вытекать ни из исследования природы, ни из метафизических спекуляций, но требует также моральных и религиозных основоположений³⁵. Гуманитарные науки постоянно переопределяют понятие о человеке и хранят огонь моральной веры в человеческое предназначение.

Рабство стало, в первую очередь, моральной и юридической категорией, а не этическим, хозяйственным и физическим отношением, которым оно было для Аристотеля. В физическом мире таких вещей, как рабство и свобода, строго говоря, нет, они относятся к вотчине морального суждения. Суждение – суверена, публики или совести – встает между всяким наличным положением вещей и его нравственной характеристикой³⁶.

³⁵ «Область философии в космополитическом смысле можно возвести к следующим вопросам: 1) Что я могу знать? Это показывает метафизика. 2) Что я должен делать? Это показывает мораль. 3) На что мне позволено надеяться? Этому учит религия. 4) Что такое человек? Этому учит антропология. Всё можно назвать антропологией, поскольку первые три вопроса отсылают к четвертому» (*Kant I. Akademieausgabe von Immanuel Kants Gesammelten Werken. Bd. 28. S. 533. URL: <https://korpora.zim.uni-duisburg-essen.de/kant/verzeichnis-gesamt.html> (дата обращения: 11.08.2021).*)

³⁶ «[П]ри различиях, имеющихсся между отдельными людьми, только приказания государства могут установить, что есть беспристрастие, справедливость

Пожалуй, сохранять этот «трансцендентальный» зазор между фактами и их оценкой было бы гораздо труднее, если бы рабство в наиболее очевидных своих проявлениях не было удалено в колонии, на периферию жизненного мира пишущей и читающей публики. Возникла парадоксальная ситуация: мыслители, живущие в рабовладельческом обществе, в большинстве своем отвергали рабство, но чаще всего не то, которое практиковало их общество, а некое умозрительное, вводимое в рассуждения о морали и политике лишь для того, чтобы прийти к неизбежности свободы. Одна только мысль о рабстве ужасала всякое разумное существо, но эта мысль сделала свой предмет настолько трудноуловимым, что он стал напоминать слона из басни. Не этой ли чертой нововременного мышления объясняется то, что рабовладение и сегодня предпочитают считать феноменом глубоко маргинальным, однако испытывают немалое беспокойство, когда кто-то дает ему неподобающую оценку, как если бы этим он накликал беду, которая и так обступила со всех сторон³⁷?

и добродетель. [...] Все законы, писанные и неписанные, нуждаются в толковании» (*Гоббс Т.* Левиафан / Под ред. В.В. Соколова // *Гоббс Т.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 207, 213).

³⁷ «[Р]абство остается по-прежнему достаточно эффективной моделью экономики, о чем свидетельствует ее продолжающаяся (пусть и подпольная) практика по сей день» (*Аронсон О.В.* Свобода, равенство и рабство // *Полилог/Polylogos.* 2020. Т. 4. № 3). URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110012636-1-1/> (дата обращения: 03.08.2021). Подпольный характер рабовладения указывает на то, что оно сохраняет то положение, которое отвело ему Новое время, оставаясь вещью морально неприемлемой и одновременно экономически необходимой. Но как в Новое время рабовладение не исчерпывалось только колониальными практиками, так и современное рабство шире своей подпольной составляющей. Верно, что положение североамериканских поселенцев XVII–XVIII вв., связанных договорами о служении (*indentured servitude*), фабричных рабочих XIX в. и современных трудовых мигрантов в разных отношениях иное, нежели у античных рабов. Однако выполняемая ими работа часто обладает всеми признакам рабского труда, которые называет Аристотель. Либеральная философия, как правило, не считает это сходство существенным, а акцент делает на различиях: на последовательном распространении правовых гарантий вплоть до Всеобщей декларации прав человека 1948 г., на возможности легитимно бороться за улучшение своего

Список литературы

- Аристотель*. История животных. М.: РГГУ, 1996. 528 с.
- Аристотель*. Категории // *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 51–90.
- Аристотель*. Метафизика // *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 63–368.
- Аристотель*. Никомахова этика // *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 53–294.
- Аристотель*. О душе // *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 369–450.
- Аристотель*. Политика // *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 375–644.
- Аристотель*. Физика // *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 59–378.
- Аронсон О.В.* Свобода, равенство и рабство // Полилог / Polylogos. 2020. Т. 4. № 3. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110012636-1-1/> (дата обращения: 03.08.2021).
- Бэкон Ф.* Новый органон. Л.: Соцэкгиз, 1935. 384 с.
- Гаджикурбанов А.Г.* Различение этических и интеллектуальных добродетелей в моральных доктринах Аристотеля и Спинозы (сравнительный анализ) // *Философская мысль*. 2016. № 3. С. 1–22. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18086 (дата обращения: 11.08.2021).
- Гоббс Т.* Левиафан / Под ред. В.В. Соколова // *Гоббс Т.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 5–285.
- Доватур А.И.* Рабство в Аттике в VI–V вв. до н.э. Ленинград: Наука, 1980. 135с.
- Кант И.* Критика чистого разума. 2-е издание (B), 1787 / Под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга, Т.Б. Длугач, У. Фогеля // *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках: в 5 т. Т. 2. Ч. 1 (*Kant I. Kritik der reinen Vernunft. 2. Auflage (B), 1787 / Hrsg. von N. Motroschilova, T. Dlugatsch, B. Tuschling, U. Vogel // Kant I.*

положения, которую либеральные правительства признают за угнетаемыми меньшинствами. С аристотелианской точки зрения, наоборот, более существенным кажется сходство, ведь именно деятельность, которой человек постоянно занят, формирует его нрав и привычки. Сегодня это сходство не бросается в глаза по той причине, что прямое рабство остается спрятанным от взоров обывателей, публики и даже государственной власти.

- Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe: in 5 Bdn. Bd. 2. Tbd. 1). М.: Наука, 2006. 1081 с.
- Ла Боэсси Э.* Рассуждения о добровольном рабстве. М.: Изд. Академии наук СССР, 1952. 200 с.
- Лебедев А.В.* Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). СПб.: Наука, 2014. 533 с.
- Платонов Р.С.* Социально-политическая трактовка концепции рабства по природе в философии Аристотеля // Полилог / Polylogos. 2019. Т. 3. № 4. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110007796-7-1/> (дата обращения: 18.03.2020).
- Платонов Р.С.* Этическая трактовка рабства по природе в философии Аристотеля // Этическая мысль. 2020. Т. 20. № 2. С. 19-36.
- Aristotle.* Metaphysics. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0052> (дата обращения: 11.08.2021).
- Armitage D.* The Declaration of Independence: A Global History. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2007. 320 p.
- Bodnar I.* Aristotle's Natural Philosophy. Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/aristotle-natphil/> (дата обращения: 13.08.2021).
- Callard A.* Should We Cancel Aristotle? // New York Times, 21.07.2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/07/21/opinion/should-we-cancel-aristotle.html> (дата обращения: 11.08.2021).
- Kant I.* Akademieausgabe von Immanuel Kants Gesammelten Werken. URL: <https://korpora.zim.uni-duisburg-essen.de/kant/verzeichnisse-gesamt.html> (дата обращения: 11.08.2021).
- Kraut R.* Nature in Aristotle's Ethics and Politics // Social Philosophy and Policy. 2007. No. 24 (2). P. 199-219.
- Morton T.* Humankind. Solidarity with Non-human People. London and New York: Verso, 2018. 224 p.
- Ross D.W.* Aristotle. London; New York: Routledge, 1995. 336 p.

Slavery and Origins of Its Discontents

Daniil O. Aronson

PhD in Philosophy, Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Gonchamaya Str., 109240 Moscow, Russian Federation, e-mail: aronson.d.o@gmail.com

Abstract. Aristotle believed that some people are slaves by nature and that for them the condition of slavery is just and beneficial. This outlook is a consequence of key aspects of his philosophy. First, since the concepts of acting and being acted upon are used as basic categories of thinking, any change and movement is conceived as an asymmetric relation, where something acts and something else undergoes action, while the more a thing is able to act, the closer it is to perfection. Second, since nature makes no leaps, there are intermediate links between man and animal. People closest to animals and, therefore, least able to act, are naturally predisposed to follow the orders of their superiors.

Immanuel Kant carried out the most influential reform of Aristotelianism in modern times. He removed acting and being acted upon from the list of categories, and placed man outside physical nature, attributing to him the quality of moral personality, which has no preconditions in animals. As a moral being, man, alone in nature, retained the ability to act and undergo action. Slavery turned out more or less unacceptable, because all people were deemed free in their ability to act and equal in this absolute privilege over the rest of nature. At the same time, the very concepts of slavery and man began not so much to refer to specific phenomena as to express their moral and legal assessment. This referential ambiguity is a cause of discontents that the topic of slavery continues to generate today.

Keywords: slavery, nature, acting and being acted upon, community, state, happiness, Aristotle, Kant, categories, continuity

For citation: Aronson, D.O. “Rabstvo. Proiskhozhdenie bespokoistva” [Slavery and Origins of Its Discontents], *Istoriko-filosofskii ezhegodnik*, 2021, No. 36, pp. 365–383. (In Russian).

References

- Aristotle. “Fizika” [Physics], in: Aristotle. *Sochineniya: v 4 t.* [Works in 4 Volumes], Vol. 3. Moscow: Mysl’ Publ., 1981, pp. 59–378. (In Russian)
- Aristotle. “Kategorii” [Categories], in: Aristotle. *Sochineniya: v 4 t.* [Works in 4 Volumes], Vol. 2. Moscow: Mysl’ Publ., 1978, pp. 51–90. (In Russian)
- Aristotle. “Metafizika” [Metaphysics], in: Aristotle. *Sochineniya: v 4 t.* [Works in 4 Volumes], Vol. 1. Moscow: Mysl’ Publ., 1976, pp. 63–368. (In Russian)

- Aristotle. "Nikomakhova etika" [Nicomachean Ethics], in: Aristotle. *Sochineniya: v 4 t.* [Works in 4 Volumes], Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ., 1983, pp. 53–294. (In Russian)
- Aristotle. "O dushe" [On the Soul], in: Aristotle. *Sochineniya: v 4 t.* [Works in 4 Volumes], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1976, pp. 369–450. (In Russian)
- Aristotle. "Politika" [Politics], in: Aristotle. *Sochineniya: v 4 t.* [Works in 4 Volumes], Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ., 1983, pp. 375–644. (In Russian)
- Aristotle. *Istoriya zhivotnykh* [The History of Animals]. Moscow.: RGGU Publ., 1996. 528 pp. (In Russian)
- Aristotle. *Metaphysics* [<http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0052>, accessed on 16.08.2021].
- Armitage, D. *The Declaration of Independence: A Global History*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2007. 320 pp.
- Aronson, O. V. "Svoboda, ravenstvo i rabstvo" [Liberty, Equality and Slavery], *Polilog/Polylogos*, 2020, Vol. 4, No. 3 [<https://polylogos-journal.ru/s258770110012636-1-1/>, accessed on 03.08.2021]. (In Russian)
- Bacon, F. *Novyi organon* [Novum Organum]. Leningrad: Sotsekgiz Publ., 1935. 384 pp. (In Russian)
- Bodnar, I. "Aristotle's Natural Philosophy", *Stanford Encyclopedia of Philosophy* [<https://plato.stanford.edu/entries/aristotle-natphil/>, accessed on 13.08.2021].
- Callard, A. "Should We Cancel Aristotle?", *New York Times*, 21.07.2020 [<https://www.nytimes.com/2020/07/21/opinion/should-we-cancel-aristotle.html>, accessed on 16.08.2021].
- Dovatur, A.I. *Rabstvo v Attike v VI–V vv. do n.e.* [Slavery in Attics in the sixth and the fifth century BC]. Leningrad: Nauka Publ., 1980. 135 pp. (In Russian)
- Gadzhikurbanov, A.G. "Razlichenie eticheskikh i intellektual'nykh dobrodetelei v moral'nykh doktrinah Aristotelya i Spinozy (sravnitel'nyi analiz)" [The Distinction between Ethical and Intellectual Virtues in the Moral Doctrines of Aristotle and Spinoza (a comparative analysis)], *Filosofskaya mysl'*, 2016, No. 3, pp. 1–22 [https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18086, accessed on 11.08.2021]. (In Russian)
- Hobbs, T. "Leviafan" [Leviathan], *Sochineniya: v 2 t.* [Works in Two Volumes], ed. by V.V. Sokolov, Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1991, pp. 5–285. (In Russian)

- Kant, I. “Kritika chistogo razuma. 2-e izdanie (B), 1787” [Kritik der reinen Vernunft. 2. Auflage (B), 1787], hrsg. von N. Motroschilova, T. Dlugatsch, B. Tuschling, U. Vogel, in: Kant I. *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe], Bd. 2. Tbd. 1. Moscow: Nauka Publ., 2006. 1081 pp. (In Russian and German)
- Kant, I. *Akademieausgabe von Immanuel Kants Gesammelten Werken* [<https://korpora.zim.uni-duisburg-essen.de/kant/verzeichnisse-gesamt.html>, accessed on 11.08.2021].
- Kraut, R. “Nature in Aristotle’s Ethics and Politics”, *Social Philosophy and Policy*, 2007, No. 24 (2), pp. 199–219.
- La Boétie, E. *Rassuzhdeniya o dobrovol’nom rabstve* [Discourse on Voluntary Servitude]. Moscow: Izd. Akademii Nauk SSSR Publ., 1952. 200 pp. (In Russian)
- Lebedev, A.V. *Logos Geraklita. Rekonstruktsiya mysli i slova (s novym kriticheskim izdaniem fragmentov)* [Heraclitus’s Logos. A Reconstruction of Thought and Word (With a New Critical Edition of the Fragments)]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2014. 533 pp. (In Russian)
- Morton, T. *Humankind. Solidarity with Non-human People*. London and New York: Verso, 2018. 224 pp.
- Platonov, R. S. “Sotsial’no-politicheskaya traktovka kontseptsii rabstva po prirode v filosofii Aristotelya” [Social and Political Interpretation of the Concept of Natural Slavery in Aristotle’s Philosophy], *Polilog/Polylogos*, 2019, Vol. 3, No. 4 [<https://polylog.jes.su/s258770110007796-7-1/>, accessed on 18.03.2020]. (In Russian)
- Platonov, R.S. “Eticheskaya traktovka rabstva po prirode v filosofii Aristotelya” [An Ethical Interpretation of the Concept of Natural Slavery in Aristotle’s Philosophy], *Ethical Thought*, 2020, Vol. 20, No. 2, pp. 19–36. (In Russian)
- Ross, W.D. *Aristotle*. London; New York: Routledge, 1995. 336 pp.